

ЗЕРКАЛО

— Ну, конечно, — Марине сложно было скрыть раздражение, — нужно заниматься чужой машиной именно сегодня, другого дня не нашлось — только тридцать первого декабря!

— Ну и что, что тридцать первое? — с неменьшим раздражением отозвался Стас, хлопая по карманам дубленки в поисках ключей. — Что ему теперь — на жопе с горочки ехать, что ли?!

«А другого бесхребетного дурака он не дозволялся!» — чуть не выпалила со злости Марина, но сдержалась. Впрочем, Стас и так по ее лицу понял, что она думает, и ушел, напоследок грохнув дверь. В опустевшей прихожей тихим испуганным звоном отозвался ловец снов.

— А куда это ты Стасика отправила? — в дверях комнаты тут же нарисовалась свекровка. Как всегда вовремя.

— Никуда я его не отправляла, — сухо ответила Марина, чувствуя новый приступ раздражения. — К Витьке он пошел, в гараж. У Вити машина сломалась.

— В такой гололед? На Витиной машине? — к своему въедливому характеру Лариса Михайловна была еще и избирательно глуха. — И ты его отпустила? И чем ты только думаешь?!

Марина подавила глухое рычание и поспешила скрыться от свекрови в кухне, где с удвоенной энергией принялась перемешивать кипящую на плите солянку. В этот момент на кухонном столе запиликал забытый Стасом телефон, Марина мельком кинула взгляд на экран: «Витька».

«Хоть бы раз ушел из квартиры и ничего не забыл, маменькин сыночек! — Марина свободной рукой нажала кнопку вызова, прижала трубку к уху плечом. — Привык, что до тридцати лет с ложки кормят!»

— Стасик, а купи по дороге мандаринчиков! — внезапно проворковал «Витька» нежным женским голосом. — А то я забегалась и совсем забыла!

— Анька, ты, что ли? — тупо поинтересовалась Марина, не узнавая.

— Ой... — на том конце хихикнули, и связь оборвалась.

Марина, забыв про солянку, еще раз набрала Витькин номер, послушала долгие гудки, потом взяла с подоконника свой телефон и набрала Аню, Витину жену.

— Привет, Анют, — нарочито бодрым голосом начала она, — это ты сейчас на Стаськин телефон звонила, да? А я тут забегалась совсем, не слышу... Что? А, вы в поезде едете...

Марина закусила губу.

— Всей семьей, едете, да... А ну, конечно... Да, связь пропадает... Ну с наступающим, ага, увидимся...

Марина положила трубку, машинально повернула рычажок конфорки, выключая готовую солянку. Опустилась на стул.

На столе громоздились миски с наполовину наструганными салатами. На плите булькала картошка. За стеной, в детской, трещал телевизор, бормоча что-то бестолково-новогоднее. Телефон снова запиликал — звонили родственники, Марина сбросила вызов. Говорить не хотелось. Хотелось уйти в спальню, закрыться там, спрятаться с головой под одеяло и не выходить до третьего пришествия.

В кухню маленькими шумными вихрями влетели семилетняя Аленка и двухлетний Дим-Дим.

— Ма-а-а-м! — Аленка в поисках ласки боднула Маринину руку. — А сделай мне бутербро-о-одик!

— О-о-дик! — эхом подтвердил Дим-Дим.

— Какой еще бутербродик? — Марина устало мазнула Аленку по спутанным волосам. — Обед скоро...

— Дети голодные, — в кухню вслед за детьми величественно вплыла свекровь, всем видом показывая невестке, кто в этом виноват, и демонстративно начала резать хлеб и колбасу. — А то пока некоторые по телефону наговорятся...

Марина со стуком положила телефон на стол.

— Еда — на плите! — отчеканила она и быстро вышла из кухни.

В прихожей было темно. Марина прижалась лбом к холодному стеклу зеркала. В зеркале рождественской открыткой отражалась часть большой комнаты — елка в разноцветных огоньках, блестящие гирлянды под потолком, флажки...

С каким глупым упорством она вчера развешивала всю эту блестящую ерунду, в нелепом сражении за праздник — за попытку праздника, как будто можно всеми этими гирляндами соединить, связать, склеить то, что давно развалилось, расклеилось, а может никогда и не было единым...

И на какую-то секунду Марине захотелось шагнуть туда, в зеркало, в этот праздничный беспечный отраженный мир, где все по-другому, где друг друга любят и не предадут...

В прихожей было темно. Стекло зеркала холодило разгоряченный лоб.

— Мариночка, вам плохо? — голос у свекрови тихий, сочувствующий.

— Нет, Лариса Михайловна, все в порядке, — Марина обернулась, стараясь говорить как можно спокойнее и участливее, — я просто немножко устала.

— Я понимаю. — За последние сутки и без того тихая и незаметная, Лариса Михайловна словно еще больше сгорбилась и постарела.

— Вы же помните, в больнице сказали — прогноз хороший, — Марина старалась вложить всю силу убеждения в слова, которым сама не верила. — В реанимацию нас не пустили — это тоже хорошо. Мне Аня говорила, в реанимацию пускают, только когда все совсем-совсем плохо. Значит, у нас не совсем...

Марина не знала, что еще сказать. Вчера, пока она, как в тумане, металась между полицией и больницей, Лариса Михайловна встретила из школы Аленку, забрала из сада двухлетнего Дим-Дима, приготовила ужин, всех покормила, уложила спать... А теперь, когда спасительные заботы схлынули... Теперь им обоим оставалось только ждать, а это было самое тяжелое.

Запиликал телефон, обе женщины непроизвольно вздрогнули.

Звонил Витька, бормотал какие-то извинения. Марина его не винила. Гололед, плохая видимость, но Стас был опытным водителем. Нелепая случайность, стечение обстоятельств...

Пока они говорили, Лариса Михайловна незаметно ушла к детям.

— Да, конечно, Вить, как только будут новости, — Марина с облегчением закончила тяжелый, бессмысленный разговор. С горечью посмотрела на свое отражение в зеркале. Да, за эти сутки постарела не одна Лариса Михайловна...

В зеркале рождественской открыткой отражалась часть большой комнаты — елка в разноцветных огоньках, блестящие гирлянды под потолком, флажки... Как весело и беспечно они со Стасом и Аленкой развешивали эти блески и шарики, шутили, дурачились, бросались друг в друга серпантинном... Дим-Дим хохотал, глядя на родителей, и от восторга топал толстыми ножками, а Лариса Михайловна шуточно грозилась им пальцем из своей комнаты.

До рокового дня Марина даже не подозревала, насколько мирно и счастливо протекала ее жизнь. Пожалуй, даже слишком счастливо. Когда позвонил Витька, попросил помочь с машиной, Марина даже не вышла проводить, возилась на кухне. Даже досадливо отмахнулась, не мешай, мол... И чем она так была занята? Марина даже не могла вспомнить. А потом звонок, сухой голос на том конце провода — авария, черепно-мозговая травма, лежит в реанимации — и день раскололся, развалился на части...

— Господи, — шептала Марина в темную глубину зеркала, — да не надо мне никакого счастья, я справлюсь, только бы с ним, со Стасом, все было в порядке... В темноте прихожей с тихим грустным звоном покачивался ловец снов.

МОЙ СОСЕД ТÓТТОРО

— Иришка, а ты чего цветы до сих пор не разобрала? — мать заглянула к дочери в комнату. — О! И сидит нераздетая!

Молодая темноволосая женщина в светлом плаще неподвижно сидела в кресле, глядя в одну точку.

— Ничего. Устала.

— Это понятно! — мать подошла к туалетному столику, заваленному неразобранными букетами. — А хороший праздник получился! Согласись? Вот только рыбу надо было свою привозить, я как знала! Столько укуса положили...

Ирина глубоко вздохнула.

— Что так и будешь сидеть? Хоть бы плащ сняла...

Ирина нехотя потянула завязки плаща, расстегнула большие желтые пуговицы.

— Ну, ты сама-то довольна? — мать встряхнула один из букетов. — Слушай, розы просто шикарные!

— Да уж, пол моей зарплаты. Лучше бы деньги подарил.

— Иришка, ну нехорошо так говорить... Он старался, выбирал...

— Да ни черта он не старался, — Ирина резко встала и принялась зло сдирать с себя плащ. — Эти цветы из нашего супермаркета. И не самые свежие, между прочим. Я этот букет позавчера там видела, там до сих пор даже бирка болтается — «Цветочный салон Вэнди».

— Ну и что! Все равно же красиво!

— Что красиво, мама? Вот это красиво?! — Ира выдернула из-под вороха цветов керамическую копилку — лысого позолоченного толстяка в кимоно. — Посмотри! Здесь даже монеты и те пластмассовые! Это же уродство!

— Знаешь, дареному коню... К тому же она не пустая, а с сюрпризом!

— Да уж спасибо за сюрприз! Знаешь, идея с рестораном твоя была! Я вообще не хотела всю эту когорту собирать! И тем более приглашать — его!

— Ира, ну как можно было его не пригласить? Тебе тридцать лет, круглая дата, все родственники собрались, а он твой отец!

— Да неужели?! И давно?! Через двадцать лет приперся, здрасте! На тебе, доченька, уroda, такого же, как я! На память! Любуйся! Знаешь? Да пошел он!..

Ира подскочила к окну, дернула раму и швырнула болванчика в темноту. Яростно дыша, обернулась к матери и тут же сникла:

— Мам, ты чего? Мам, прости, я не подумала... Я...

Но мать, как-то разом сгорбившись, тихо положила цветы на стол и молча вышла из комнаты.

Ира опустила на корточки и беззвучно разревелась.

Отвлекла ее длинная переливчатая трель — звонок в дверь.

— Мам, откроешь? Мам?

Тишина. И еще одна трель.

Ира, на ходу пытаясь вытереть размазанную тушь, пошла открывать.

На пороге стоял мрачный бородатый мужик в кожаной косухе. У его ног перетапывалась собака породы ризеншнауцер и тихо поскуливала.

Бородач смерил хозяйку взглядом.

— Ты — Ира? — поинтересовался он густым басом.

— Я, — Ирина оторопело смотрела на гостя.

— Твое? — он протянул на раскрытой ладони голову болванчика.

— Простите, пожалуйста! — Ира с ужасом уставилась на обломки. — Я совсем не хотела в вас попасть! Я...

— Чуть в собаку не попала. Я думал, шпана балуется, поднимусь — убью. Потом смотрю — билеты. Сперва хотел себе оставить, а там надпись «Иришке от мамы и папы» — ну и как-то стремно стало...

Он сунул Ирине потрепанные бумажки.

— Зря выкинула. Хорошая музыка. Из Миядзаки. Я два раза ходил. Маме-папе можешь спасибо сказать. И не мусори во дворе больше, поняла? Не люблю, когда срач...

Он повернулся и пошел вниз по лестнице. Ризеншнауцер засеменял следом.

— Простите, а вы кто? — запоздало окликнула Ира.

— Кто-кто... Тотторо! Сосед ваш с четвертого... Дима.

— Дима, подождите! — Ира, не глядя, сунула ноги в первую попавшуюся обувь. — Возьмите один билет! Или хотите — возьмите оба!

— Зачем? — бородач с подозрением уставился на протянутые листочки. — Не любишь Миядзаки?

— Люблю! Очень! Только мне все равно идти не с кем. А вам... В смысле, тебе... Блин...

Ира нервно рассмеялась. Время около двенадцати ночи, стоит она посреди лестницы в вечернем платье и резиновых сапогах. Укладка давно развалилась, а под глазами, вероятно, круги от размазанной туши. И предлагает незнакомому мужику какие-то билеты.

— В общем, я могу отдать два. Если надо.

Бородач посопел и неуверенно взял билет.

— Один возьму. Больше не надо. Спасибо.

Он кивнул и потопал вниз.

Ира вернулась в квартиру, в дверях столкнулась с мамой.

— Ириша, а что случилось? Я мусор пошла выносить, пока на лифте туда-сюда, прихожу — тебя нет, дверь нараспашку...

Ира села на кушетку в прихожей и тихо рассмеялась.

— Мам, а я Тотторо встретила. Вот прям сейчас, на лестнице.

— Кого встретила? Господи, чего ты хочешь? Чума с тобой... То злишься, то...

— Ничего, мам, все хорошо. Просто — спасибо... И за билеты, и за все...

СЕМЕЙНЫЙ ПОРТРЕТ

Виктор Степанович медленно, всматриваясь в каждую деталь, оглядел почти законченный рисунок.

Пожалуй, из праздничного угощения лучше всего вышел арбуз. Огромный, с ярко-алой мякотью, барином развалившийся посреди нарядного круглого стола. Вокруг арбуза громоздятся горы булок, пирожных, хлеба — черного, серого, золотистого, с орехами и изюмом, с прожаренной рыжей корочкой, при виде которой во рту сама собой скапливается слюна. Сыр, колбасы, конфеты... много-много конфет. Крупные, чуть ли не с треть арбуза, золотистые яблоки. На краю стола разлегся толстый пушистый кот, томно поглядывающий на масленку с куском оранжевого, уже «поплывшего» масла...

За столом в самом центре — девочка лет пяти, румяная, голубоглазая, с короткими светлыми косичками и алыми бантами. Девочка весело смеется, широко разведя в стороны розовые ручки — то ли хлопает в ладоши, то ли пытается обнять арбуз.

Слева от девочки — две тоненькие девушки в желтом и голубом платьях, радостно улыбаются и держатся за руки.

Рядом с ними — серьезный, вихрастый юноша-студент в круглых маленьких очках и значком политехнического института на груди. Лицо вышло бледновато (не хватило красок, а главное сил), но значок отлично виден — ни с чем не спутаешь.

По другую сторону стола две фигуры, нарисованные уже одним черным карандашом, словно у художника разом закончились все краски, — мужчина и женщина. Мужчина в военной форме, серьезный, строгий, подтянутый. Нарисован вполборота, отчего взгляд кажется обращенным не к зрителю, а куда-то вдаль. На петлицах рисунок смазался, и было непонятно: красноармеец он или командир...

Но женщине, сидящей с ним рядом, это неважно. Ее лицо обращено к мужчине. Она смотрит на военного строго и грустно. Края ее длинной шали почти касаются пола и сливаются с темными тенями на полу. И мужчина и женщина явно выбиваются из нарядного, пестрого рисунка, но Виктора Степановича сейчас заботит совсем не это.

Чуть приподнявшись в постели, негнушными пальцами он берет карандаш и медленными, неверными движениями старательно дорисовывает рядом с женщиной еще одну фигуру. Руки немеют и кажутся чужими, голова кружится, линии плывут перед глазами, но сейчас самое главное — не сломать хрупкий грифель. Наточить карандаш у Виктора Степановича уже вряд ли получится — сколько времени и сил ушло, чтобы наточить этот! А зимний день короткий...

Хотя он рисует долго, последний персонаж выходит совсем невзрачным — сгорбленным, тонким и малоузнаваемым. Совсем как в жизни. Виктор Степанович переводит дыхание — он успел.

На обратной стороне листа друг за другом шесть имен, шесть дат. Виктор Степанович медленно добавляет: «Викт. Степ., 01.10.1880 — 11.01.1943, Ленинград». Потом, напрягая все силы и зрение, пишет: «Ниночка, милая, живи! За этим столом больше нет места».

Виктор Степанович глубоко вздыхает, прижимает рисунок к груди, закрывает глаза, и сухие щелчки метронома не нарушает больше ни один звук.

ШЛИ ДОЖДЬ И ТРИ СТУДЕНТА

Ветер гнал по асфальту мелкие сухие ветки. На парковых дорожках то вспыхивали, то гасли солнечные блики. Пахло прелыми листьями и немного костром.

— Дим, подвинься, — Аня бросила на скамейку пестрый рюкзак, села рядом с приятелем, с удовольствием вытянула усталые ноги в белых джинсах и ярко-оранжевых туфлях на высоком каблуке.

Макс, широкоплечий, взъерошенный парень, одетый в темно-зеленую водолазку с капюшоном, продолжал стоять, нетерпеливо перекатываясь с пятки на носок и обратно.

— Ну что, какие идеи? — Аня щелкнула крышечкой кислотно-желтой банки с тоником. — У нас всего сорок минут до пары. Блин, кажется, дождь начинается...

Она подставила раскрытую ладонь, на ладонь упали редкие капли.

Дима, в бордовом клетчатом джемпере поверх светлой рубашки и таком же шелковом шарфе, напоминал студента какого-нибудь Кембриджа. Вместо ответа он поднял и медленно покрутил перед собой опавший лист. Посмотрел на просвет: от центра к краям листа разбежались «лучи» — тонкие жилки, переходящие из желтого в красный.

— Короче, я все придумал! — Макс быстро прошелся перед скамейкой. — Девушка такая вся из себя идет по парку, тут к ней подходят два мента: «Гражданочка, вы задержаны за хранение наркотиков!» Ну и, короче, заламывают ей руки и такие — тыщ! тыщ! В наручники и — в автозак!

Он в лицах изобразил «тыщ-тыщ» и захохотал, довольный собственной шуткой.

Аня смерила Макса ледяным взглядом, картинно поаплодировала баночкой:

— Очень, очень смешно. И главное — про осень.

После чего демонстративно повернулась к Диме:

— Дим, а если так: парень гуляет по парку и случайно видит, как его девушка целуется с другим...

Дима поморщился и выкинул листок:

— Ань, ну это — банальщина... Осень, разлука, любовный треугольник... Шчас все про это будут писать.

Он бросил взгляд на занятую беседку: там две девчонки из их же группы терпели покладистого однокурсника, что-то шумно обсуждали и смеялись.

— О, я все придумал! — Макс пистолетом наставил на Диму указательный палец. — Три студента в Москве пошли на митинг, но по пути заблудились и попали на гей-парад!

Он снова расхохотался. Дима, подперев голову рукой, внимательно посмотрел на него снизу вверх.

— Макс, ну и где тут про осень?

— Ну, это осенью было. — Макс крутанулся на месте и запел, манерно растягивая слова: — Листья жооолтые над гооородом кружаааются...

— Макс, по заданию в сценке всего три человека должно быть, — Дима поднял с земли щепку, повертел и принялся расчерчивать на земле крестики-нолики. — А ты предлагаешь сцены с массовой — митинг, гей-парад...

— Точно! — Макса было не перешибить. — Три студента организовали гей-парад, но пошел дождь, все труханули и, кроме них, больше никто не пришел!

Макс хлопнул себя по коленям и расхохотался снова.

— Макс, у тебя идеи все реально тупые, — Аня, сжав губы, со стуком зашвырнула пустую баночку в мусорный бак.

— А у тебя можно подумать креативные, — мгновенно набылчился Макс. — Любовь-морковь... Розовые сопли с сахаром. Может, у тебя вообще с этим делом проблемы?

— Нет, Макс, это, по-моему, у тебя с этим делом проблемы! Раз ты ничего, кроме гей-парада, придумать не можешь! Потому что сам debil, и шуточки у тебя debильные!

— Так, стоп! — Дима выбросил вперед руку как заправский рефери. — Работаем без оскорблений!

— А я и не начинал! — огрызнулся приятель. — Это вот она наезжает: тупой, debil!..

— Аня, ну ты, правда... — Дима нахмурился. — Перегнула уже...

— Ну, то есть это я перегнула, да? — задохнулась от возмущения Аня. Вскочила, дернула на себя рюкзак.

— Вот и работай тогда сам с этим debilом...

Она быстро и уверенно зацокала прочь, но вдруг внезапно, как-то нелепо подвернула ногу и рухнула на коленки. Из рюкзака брызнуло на асфальт его содержимое: губная помада, телефон, шоколадные конфеты в пестрых обертках. Зазвенели, запрыгали в разные стороны монетки.

— Ань, ты как — в порядке?

Парни торопливо подошли к девушке. Аня сидела молча, закусив губу и сжав руками лодыжку. По щекам текли слезы. Злополучная оранжевая туфля валялась рядом.

— Вставай, чего сидишь? — Дима потрепал девушку по плечу. Аня отрицательно помотала головой и всхлинула.

— Что? Вывих? — Макс деловито покидал в рюкзак рассыпанные вещи, сунул рюкзак Ане. Аня обняла рюкзак, уткнулась в него носом и снова всхлинула.

— Больно сильно? Ну-ка покажи... — Дима озабоченно ощупал лодыжку.

— Не, не вывих — связки потянула, — уверенно диагностировал Макс. — У меня такое на тренировке было. Есть чем перетянуть?

Дима стянул с шеи шарф, передал Максу. Тот быстро соорудил что-то вроде повязки. Аня, морщась и держась руками за приятелей, кое-как поднялась на здоровую ногу. Вторую, обернутую бордово-клетчатым шарфом, держала на весу.

— «Скорей, чтобы вылечить кошкину лапу, воздушные шарики надо купить!..» — нараспев продекламировал Макс. — Что, сбегать за шарами? Привяжем, отпустим, и пусть летит! Да шучу я, шучу...

Аня снова всхлинула — не то от боли, не то от смеха.

— Порядок, я такси вызвал, — Дима левой рукой нажимал кнопки на экране телефона. — К центральным воротам подъедет. Ты как, идти можешь?

— Да чего тут идти...

Аня охнула от неожиданности, когда Макс вскинул ее на руки и быстро понес к воротам.

— Короче, я все придумал, — отдуваясь, на ходу сообщил он. — В травмпункт приходят трое — один без правой ноги, другой без левой, а третий — безногий, на каталке...

Аня нервно засмеялась. Из глаз по-прежнему лились слезы.

— Макс, бери вправо, черная «Тойота», 524, — Дима взял на себя роль навигатора. — Как ты там говорил? Два мужика в парке скрутили девчонку и волокут в машину? Так что, Макс, согласишься, по твоему сценарию все и вышло...